

А.Л. Цуканов

Катерина Измайлова

Героиня повести Н.С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда» (1864, авторское обозначение жанра — очерк). Никаких сведений о возможных реальных прототипах Катерины Измайловой не сохранилось. Скорее всего, Лесков, некоторое время работавший в судебной уголовной палате, создал этот образ, воспользовавшись материалами уголовных дел. Отдавая в печать свой «очерк», Лесков представил его как «1-й № серии очерков исключительно одних типических женских характеров нашей (окской и частью волжской) местности».

Катерина Измайлова, как писал о ней Лесков в начале повести, «купеческая жена, разыгравшая некогда страшную драму, после которой наши дворяне, с чьего-то легкого слова, стали называть ее леди Макбет Мценского уезда». Писатель прямо указывает на литературный прототип Катерины Измайловой — это леди Макбет У. Шекспира. И та, и другая убивают в стремлении к своей цели тех, кто им мешает; обе гибнут под тяжестью своих преступлений. Однако в отличие от прототипа, Катерина Измайлова — крестьянка, ставшая «купеческой женой»; в слепой страсти к своему любовнику приказчику Сергею она убивает мужа и свекра, а затем племянника, попадает в тюрьму и на каторгу, испытывает всю горечь предательства со стороны сообщника-любовника и в финале топит вместе с собой в водах ледяной реки свою соперницу Сонетку. Возможно, Лесков при создании образа Катерины Измайловой использовал английские народные баллады, очень популярные в России XIX в. В частности, балладу «The Lord of Waristoun», в которой рассказывается о жене, убившей мужа. Фабула «очерка» во многом построена на основе сюжетов широко распространенной в России лубочной картинке «О купеческой жене и приказчике».

Катерина Измайлова стала символом шекспировских страстей на русской почве: в ее образе Лесков сделал попытку исследовать «грубые и несложные формы», в которых проявляется «рабская покорность своим страстям и преследование дурных недостойных целей у людей простых, почвенных, невыдержанных». В характере героини начало языческое, телесное резко противопоставлено началу духовному. Катерина Измайлова очень сильна физически, Лесков всячески подчеркивает ее «дикувинную тяжесть», телесную «чрезмерность». Духовные же запросы Катерины Измайловой практически сведены к нулю, что усугубляется еще и «скукой русской, скукой купеческого дома, от которой весело, говорят, даже удавиться». В доме есть Библия и «Киевский патерик» (жизнеописания святых и великомучеников Киевской Руси), но Катерина даже не открывает их. «Киевскому патерику» Лесков придает символическое значение — перед смертью племянник Катерины Измайловой Федя читает в этом патерике житие «своего ангела» святого великомученика Феодора Стратилата.

Вспыхнувшая в Катерине Измайловой страсть к приказчику Сергею заставляет ее «чрезмерность» развернуться во всю мощь ее языческой силы. Она начинает жить как бы в соответствии со словами Макбета: «Я смею все, что смеет человек, // И только зверь на большее способен». Поступки, совершаемые Катериной под влиянием этой «языческой силы», поначалу вроде бы даже не вызывающие особого отвращения (первые две жертвы Катерины Измайловой — персонажи малосимпатичные), неизбежно ведут героиню к провалу в «кромешное зло», к абсолютному противоречию христианству. Весь ужас и низость происходящего Лесков подчеркивает тем, что убийство мальчика Феда совершает беременная Катерина Измайлова в ночь под праздник «Введения Богородицы во Храм». «Божья кара» настигает преступников тут же: их уличают и отдают под суд.

Вопрос об оправдании Катерины Измайловой тем, что она совершила преступления «во имя любви», потом не раз поднимавшийся в критике, Лесков отвергает полностью. Это не любовь, а «темная страсть»: «Помнишь, как мы с тобой ночами погуливали да твоих родственничков на тот свет провожали» – уже на этапе говорит Сергей Катерине, которая в своем унижении «уж ни бога, ни совести, ни глаз людских не боится». Сам Лесков вспоминал потом, что ему становилось по временам жутко, когда он писал «Леди Макбет Мценского уезда».

Русская критика XIX и XX вв., рассматривающая очерк Лескова в традиции «органической литературы» (термин Ап. Григорьева), относит образ Катерины Измайловой к так называемому «хищному типу». Многие исследователи в этой связи (например, Б. Эйхенбаум) противопоставляют Катерине Измайловой образ Катерины Кабановой из «Грозы» Островского, которая в классификации Ап. Григорьева олицетворяет одновременно «смиранный» и «страстный» типы. У Катерины Островского любовная драма «перерастает в трагедию высокого духа», а у Лескова — в трагедию «грубо поставленных страстей», во многом напоминающую «Власть тьмы» Л. Толстого. Райскому саду героини Островского противостоит «звериный» рай Катерины Измайловой, где «дышалось чем-то томящим, располагающим к лени, к неге, к темным желанием». Создав образ Катерины Измайловой, Лесков как бы завершил характерную для XIX века литературную цепочку исследования «темных страстей» персонажей, принадлежащих к различным социально-сословным группам: царь Борис Годунов, помещик Иудушка Головлев и купчиха Катерина Измайлова. Все они погибают, преследуемые тенями своих жертв. Во фразеологический обиход русского языка прочно вошел сам эпитет «леди макбет мценского уезда», употребляющийся, как правило, с оттенком иронии.